

Когда они вышли из Башни Самодовольства, до полуночи оставалось еще добрых восемь часов. Заметив темные круги под глазами Су Яня, Пэй Цзинсин вспомнил, что тот не отдыхал со вчерашней ночи.

— Где ты остановился? — спросил он. — Я зайду за тобой в час Собаки. И не вздумай бродить в одиночку после комендантского часа. Если наткнешься на других гвардейцев Цзинью, простым предупреждением за нарушение ночного покоя ты уже не отделаешься.

— В Храме Высшего Таинства, что в квартале Восходящего Процветания, — ответил Су Янь.

В династию Чжоу буддизм и даосизм одинаково процветали. На улицах Западной столицы теснилось множество монастырей и обителей. Обыватели охотно хаживали в буддийские храмы — вознести благовония и попросить у Будды мира для дома. Но стоило людям столкнуться с настоящей чертовщиной, как их ноги сами несли их к даосам.

Храм Высшего Таинства как раз славился избавлением от подобных напастей.

Местный настоятель, даоси Чжоу Юйи, пользовался в народе не меньшим почетом, чем сам Государственный наставник. И если тот служил нерушимым щитом для императорской семьи, то Чжоу Юйи слыл истинным заступником для простых горожан.

Слава этого храма была столь велика, что о нем знал даже Пэй Цзинсин, совершенно далекий от даосских таинств.

— Договорились. В час Собаки буду у тебя.

Су Янь не стал тратить время на пустые вежливые отказы. Коротко кивнув на прощание, он развернул карту и зашагал к храму. Западная столица поражала размахом: чужаку без подробного плана здесь было не обойтись.

Усадьба Пэя располагалась в квартале Благополучного Здоровья, всего в паре улиц от квартала Весенней Ясности.

Стоило молодому хозяину показаться у ворот, как дежуривший слуга поспешно распахнул створки и, впустив его во двор, запер засовы.

— Молодой господин вернулся! Дядя Фу, молодой господин дома!

На крик слуги из глубин усадьбы торопливо вышел пожилой мужчина.

— Слава небу, вернулись, — выдохнул он. — Горячая вода уже готова, извольте сперва умыться и переодеться.

Пэй Цзинсин отнес Копьё Драконьей головы и Тигриного клыка в свои покои, снял тяжелый доспех и устало потянулся.

— Добро, дядя Фу. Только учти: сегодня ночью я снова уйду и до утра не вернусь.

— Господин, ну разве так можно? — Дяде Фу уже перевалило за пятьдесят. Он так нахмурился, что на лбу собрались такие складки, что между ними, казалось, можно было зажать монету. — Три года без продыху, каждую ночь на ногах. Вы же совсем себя извели!

— Разве я болен? Здоров как бык, — отмахнулся Пэй Цзинсин с легкой улыбкой, пытаясь успокоить верного слугу. — Государь доверил мне покой улиц, и я не могу подвести его величество. Вся нечисть и смутьяны выползают под покровом тьмы, тут ухо нужно держать востро. Вот выкрою свободный день, съезжу в пригородные леса и добуду вам парочку оленей — посмотришь на мою удаль, сразу все страхи пройдут.

— Обойдемся без оленей, — проворчал старик, понимая, что упрямого юношу не переубедить. Он всё ещё выглядел скорбным. — Велю поскорее нести воду. Вы на себя в зеркало гляньте — под глазами чернота, два дня глаз не смыкали. Ложитесь спать, пока солнце не село.

Бормоча под нос укоризны, дядя Фу перевалился с ноги на ногу и, покачивая круглым брюшком, поспешил на кухню.

Пэй Цзинсин коснулся рукой щеки. Помедлив, он с легким внутренним содроганием взял со стола лежавшее ничком медное зеркало и, сделав глубокий вдох, заглянул в него.

Он увидел в зеркале собственное осунувшееся лицо. В воспаленных глазах лопнули сосуды, под веками залегли глубокие тени — сказывалась затяжная бессонница. Но по-настоящему жуткое зрелище скрывалось в левом углу отражения. Там, скорчившись у самого края, притаилась угольно-черная фигура. Тварь медленно задирала голову, беззвучно скалясь гнилыми черными зубами. Вместо волос её череп покрывал извивающийся клубок желто-бурых змей, свисавших на лоб и закрывавших верхнюю половину слепого лица.

Пэй Цзинсин даже бровью не повел — привык. Он резко перевернул зеркало обратно, накрыв им столешницу, в то же мгновение перехватил Копьё Драконьей головы и Тигриного клыка и вслепую нанес резкий удар назад, целясь ровно в ту точку, где должна была находиться тварь!

— Вон! — рявкнул он в пустоту.

В воздухе раздался тонкий, жалобный визг, и невидимая тварь мгновенно исчезла.

Смыв дорожную пыль и усталость, Пэй Цзинсин принялся вытирать мокрые волосы, одновременно нащупывая скрытый рычаг на стене.

С тихим шорохом сверху опустилась сложная решетка — девятнадцать на девятнадцать деревянных брусьев, образующих ячейки размером с ладонь. Вся эта сеть была опутана тонкими алыми шнурами, на которых густо висели крошечные серебряные колокольчики. Конструкция замерла в двух чи от пола, перегородив комнату от самой кровати до расписной ширмы. Попытаться проползти под ней или перешагнуть через ячейки было бесполезно: малейшее прикосновение к нити подняло бы тревогу. Достаточно было вздрогнуть одному колокольчику, как в ответ залился бы звоном весь серебряный рой, лишая лазутчика всякой надежды на скрытность.

Досуха вытерев голову, он уложил копье у внутренней стены кровати, а верный Меч Хэн положил на низкую скамью у изголовья — так, чтобы в случае опасности оружие само прыгнуло в ладонь.

Завершив привычные приготовления, Пэй Цзинсин без особого удовольствия опустился на ложе и закрыл глаза, проваливаясь в чуткий, тревожный сон.

С наступлением часа Собаки он, облаченный в глухой черный дорожный костюм, уже стоял у врат Храма Высшего Таинства.

Юный послушник, узнав, что гость ищет Су Яня, вежливо пригласил его во внутренний двор, а сам убежал в жилые покои.

Храм Высшего Таинства, заложенный еще при великом императоре Тай-цзуне, разменял вторую сотню лет. Древние раскидистые сосны и вековые кипарисы погружали обитель в густую тень. Ночью, когда разошлись паломники и затихли молитвы послушников, здесь воцарился покой, какого не сыскать во всей бурлящей Западной столице.

Внезапно за спиной Пэй Цзинсина раздался едва уловимый шорох. Обыватель принял бы его за шелест сухой листвы под порывом ночного ветра. Но звук приближался слишком стремительно и целенаправленно, направляясь прямо к нему.

К счастью, Пэй Цзинсин обладал отменным слухом. Стоило шагам приблизиться, как он понял: это не Су Янь.

Он мгновенно напряг всё тело. Ладонь легла на рукоять меча, готовая вырвать сталь из ножен. Пэй Цзинсин резко развернулся, принимая боевую стойку.

Однако вместо затаившегося врага перед ним предстал немолодой даос со щегольской козлиной бородкой, облаченный в парадное одеяние. В руках он держал белоснежный хвост-пыльник — фучэнь.

— Неужто бедный даос напугал уличного посла Пэя? — мягко спросил незнакомец.

Пэй Цзинсин не спешил убирать руку с эфеса.

— С кем имею честь говорить? — холодно осведомился он.

— Мое скромное имя — Чжоу Юйи, — с полупоклоном произнес даос. — Наслышан о подвигах господина Пэя, и сегодня рад убедиться, что слухи не лгали.

Словно не замечая настороженности собеседника, Чжоу Юйи сделал еще несколько шагов навстречу:

— Позвольте спросить, что привело уличного посла в нашу тихую обитель в столь поздний час? Могу ли я чем-то помочь?

Пэй Цзинсин бывал в этом храме лишь раз в глубоком детстве, когда его приводила мать. С тех пор утекло слишком много воды, и он совершенно не помнил, встречался ли тогда с настоятелем.

Убедившись, что от пожилого даоса не исходит угрозы, Пэй Цзинсин ослабил хватку и вежливо поклонился, сложив ладони перед грудью:

— Благодарю за участие, почтенный настоятель. Я прибыл повидаться с другом.

— О? Уж не с братом ли нашим Су? — Чжоу Юйи с улыбкой погладил бородку.

Пэй Цзинсин искренне удивился:

— Как вы догадались, даос Чжоу?

Старик добродушно рассмеялся и указал пальцем куда-то за плечо гостя:

— Да вот же он, легок на помине.

Из круглых садовых ворот показался послушник, ведущий за собой Су Яня. Заметив настоятеля, мальчик испуганно склонился в глубоком поклоне.

Чжоу Юйи тепло посмотрел на подошедшего юношу:

— Ну как, брат Су, хорошо ли тебе спится на новом месте? Всем ли ты доволен в нашей обители?

— Премного благодарен вашему гостеприимству, даос Чжоу, — почтительно кивнул Су Янь.

— Пустяки. Мы с твоим учителем знавали лучшие времена, так что если в Западной столице у тебя возникнут трудности — сразу иди ко мне, — в голосе настоятеля сквозила искренняя теплота. — Куда же вы направляетесь в такую темень?

Пэй Цзинсин уклончиво ответил:

— Нам нужно уладить одно деликатное дело.

— Прекрасно, просто прекрасно, — закивал Чжоу Юйи. — Брат Су совсем один в этих краях, и верный товарищ ему сейчас нужнее всего. Но будьте настороже: звезды нынче тусклые, луну заволокли тяжелые тучи — небо словно предвещает, что Небесный пес вот-что поглотит светило. Не теряйте бдительности.

— Благодарим за предостережение, даос Чжоу, — вежливо отозвался Пэй Цзинсин. Су Янь повторил жест друга, склонив голову.

— Вот и славно, — настоятель ласково потрепал по плечу оробевшего послушника. — Пойдем, малец. Зови своих братьев, будем печь рисовые лепешки на углях.

В квартале Весенней Ясности ночные тени стали их союзниками. Скользя вдоль кирпичных стен и ловко избегая патрулей императорской гвардии, Пэй Цзинсин и Су Янь пробрались к задней стене усадьбы Шангуань.

Сложив ладони замком, Пэй Цзинсин подсадил Су Яня, помогая тому перемахнуть через ограду, а затем сам легко подпрыгнул, уцепился за край кирпичной кладки и бесшумно соскользнул во внутренний сад.

Несколько поколений семьи Шангуань обустроивали родовое гнездо: поместье занимало огромную площадь и славилось запутанной планировкой. Среди раскидистых клумб высились причудливые декоративные скалы и кривые столетние сосны. Извивающиеся крытые галереи вели к уединенным павильонам и беседкам — неподготовленный гость рисковал блуждать здесь часами.

Поскольку покои главы дома обычно располагались в самом сердце усадьбы, Пэй Цзинсин уверенно повел Су Яня в глубь сада, скрываясь от редких караулов домашних слуг.

К удивлению преследователей, во внутреннем дворе, несмотря на глухую полночь, ярко горели светильники. Главный павильон и вовсе сиял, будто посреди дня. На натянутой бумаге окон отчетливо вырисовывались два силуэта — мужской и женский. Это существенно облегчало

задачу.

Припав к земле, Су Янь внезапно почувствовал, как у него в груди разливается странное, давящее тепло. Он потянулся было к пазухе, но чуткий Пэй Цзинсин перехватил его запястье и еле слышно шепнул:

— Замри.

Су Янь уставился на колеблющиеся тени за окном, кивнул и послушно опустил руку.

— Юнь-нян, почему ты до сих пор не в постели? На дворе глубокая ночь, — донесся изнутри вкрадчивый голос Шангуань Юня. В его тоне не было и тени строгости — лишь бесконечная нежность, совершенно не вязавшаяся с его обычным холодным обликом.

— Как я могу уснуть? — женщина тяжело, сокрушенно вздохнула. — Я до сих пор не знаю, чье дитя ношу под сердцем.

Юный даос под окном оцепенел. «Неужели Шангуань Юнь носит рога?» — пронеслось в его голове. Но заявить такое мужу в лицо... Эта Юнь-нян либо лишилась рассудка, либо окончательно заигралась, уповая на его безграничную слепую любовь.

Су Янь скосил глаза на Пэй Цзинсина. Судя по тому, как гвардеец нервно дернул губой, тот испытывал не меньшее потрясение.

Однако последовавший ответ поразил незваных гостей еще сильнее. Шангуань Юнь даже не подумал рассердиться. Напротив, он заговорил еще мягче, словно утешая капризное дитя:

— Глупенькая, конечно же, это наша крошка. Ты опять бредишь наяву, Юнь-нян.

— Нет! — женщина сорвалась на крик. Силуэт на бумаге резко поднялся со своего места. — Это её дитя! И тело это её, и ребенок её, и ты... ты тоже принадлежишь ей! Вы все — её, не мои!

— Юнь-нян! — голос хозяина усадьбы взлетел на несколько тонов. — Что с тобой творится в последнее время? Зачем ты без конца поминаешь эту покойницу? Мы прошли через ад, чтобы воссоединиться, к чему эти жестокие упреки?

— Покойницу?! — в ее голосе закипели слезы. — Всё, что у меня есть, по праву принадлежит ей! Я обыкновенная воровка, без зазрения совести укравшая чужую судьбу, чужого мужа, а теперь еще и чужое дитя! Юнь-лан, если бы ты знал, как мне страшно... Я боюсь приближаться к дому Шэнь, боюсь смотреть в глаза госпоже Шэнь. Она окружила меня такой материнской заботой, а я... Если она узнает правду и захочет разорвать меня на куски, я и слова против не скажу!

— Душа моя, я всегда был только твоим мужем, — Шангуань Юнь крепко прижал её к себе, целуя мокрые от слез щеки. — Моё сердце принадлежало тебе одной. Ты представить не можешь, как я страдал все эти годы! Если бы не помощь даоса Ваня, мы бы никогда не встретились по эту сторону могилы. Я сходил с ума от ужаса, что ты уйдешь на перерождение, позабыв меня, что мы разминемся на Дороге желтых источников... Но теперь всё позади. Ты здесь, ты носишь под сердцем мою плоть и кровь, и мы никогда не расстанемся. Не бойся ничего, пока с нами даос Вань, никто не посмеет причинить нам вред. А к Шэням не ходи, раз тебе от этого не по себе.

Юнь-нян безутешно рыдала, качая головой:

— Это краденое счастье, Юнь-лан! Она вернулась, я знаю, я чувствую её ауру здесь, в этой самой комнате! Она пришла забрать назад свое тело, своего мужа и свое дитя! Мне так жутко... Я боюсь смотреть в зеркала, боюсь умываться, боюсь оставаться наедине с собой в купели. Стоит мне увидеть это лицо, как перед глазами встает её призрак и требует ответа: зачем я её погубила?

— Тише, тише, послушай меня, — Шангуань Юнь бережно уложил женщину на кушетку, укрыл мягким пледом и запечатлел поцелуй на её бледном лбу. — Она сама согласилась выйти за меня замуж, сама клялась, что сделает ради меня что угодно. Все смертны. Ей суждено было уйти в шестнадцать лет — прекрасный, беззаботный возраст. К чему ей было доживать до седин, терпеть дразги в семейном гнезде и нянчить внуков? Смерть уберегла её от мирских забот. К тому же я взял заботу о её престарелых родителях на себя. О чем ей еще горевать?

— Мерзавец! — не сдержавшись, процедил сквозь зубы Пэй Цзинсин. От ярости его пальцы до побеления костяшек сжали рукоять меча.

Су Янь разделял его гнев и молча, но яростно закивал.

Заговорщики внутри и не подозревали, что их безумную исповедь слушают чужие уши. Шангуань Юнь продолжал нашептывать Юнь-нян ласковые безумства, но несчастная лишь безутешно качалась из стороны в сторону, повторяя, словно в лихорадке: «Она пришла... Она заберет свое...»

Поняв, что уговоры не действуют, а слуг он благоразумно отослал подальше еще до начала разговора, Шангуань Юнь решил действовать иначе. Оставив рыдающую женщину на кушетке, он быстрыми шагами подошел к дверям, распахнул их и негромко кликнул дежурившего во дворе слугу:

— Срочно ступай за даосом Ванем. Пусть идет сюда.